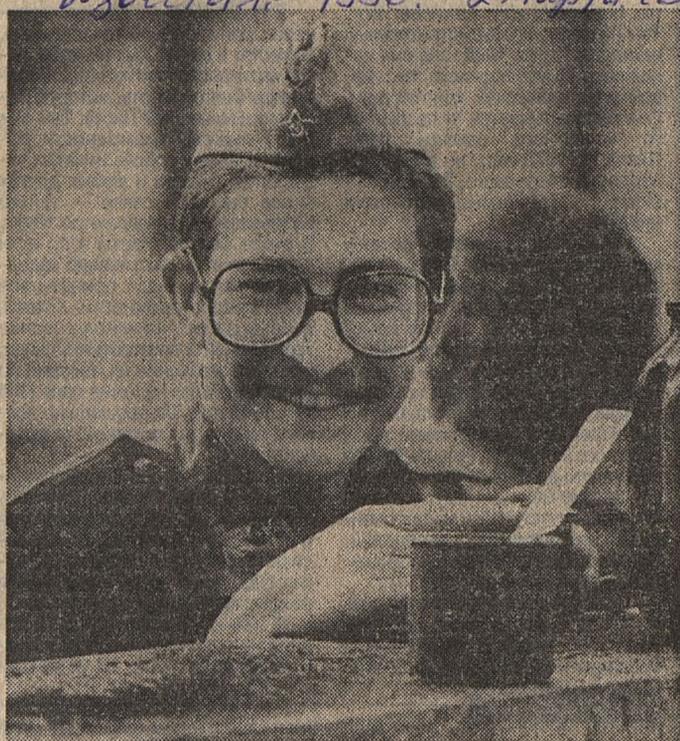

Какая разница, за что его убили?

Известия — 1996 — 2 марта 95

Год назад убили Владислава Листьева. Не забыть его портрет в черной немой рамке экрана — на всех каналах. Не забыть лаконичный, леденящий душу титр: «Владислав Листьев убит». Не забыть растянувшуюся на несколько километров скорбную людскую очередь у «Останкино».

Уже тогда, впрочем, раздавались голоса: аморально, мол, оплакивать смерть одного, когда в стране ежедневно гибнут тысячи. Но в том-то и дело, что безнаказанное убийство одного обязательно влечет за собой безнаказанное уничтожение тысяч. Смерть Листьева как бы стерла ту невидимую черту, за которой сообщения о ежеасном насилии превращаются в будничные, не вызывающие потрясений сводки о происшествиях. Смерть Листьева — последняя из всех, что последовали за ней, — вызвала всеобщий шок и скорбь. Миллионам его поклонников было, в общем, плевать, за что его убили. Политика, бизнес или банальная криминальная разборка оборвали жизнь их любимца, каждый день желанным гостем приходившего в каждый дом.

Такую, действительно всенародную любовь ни за какие деньги не купишь. Листьев заслужил ее своим талантом, человеческим обаянием, виртуозным владением профессией, бесконечным трудом.

Сегодня же, когда минул год со дня его смерти, некоторые коллеги пускаются в размышления: «А были мальчик?». Или на ловлю счастья и чинов заброшенный на телевидение по воле рока, случая, он использовал этот случай для того, чтобы делать деньги, стал роботом, рабом денег. И весь смысл его жизни сосредоточился в них одних. А слава — так, попутная песня. Зато и пожил — дай Бог каждому: самые высокие гонорары, самый дорогой костюм, самые пышные похороны на самом престижном кладбище в самом дорогом гробу. О чем еще может мечтать человек? Он сам убил себя, превратившись в символ... И ни строчки сожаления — что вот был человек и нету его. Ни малейшей оглядки на чувства его матери, сына, вдовы, а также миллионов людей, для которых эта смерть стала личным горем и необратимой утратой.

Столь же жестоко и походя о том, что осталось после него: неталантливый первый канал, почти весь слудый с западных трафаретов, надоевшие программы, которые запускал Листьев... Вывод: «И ради этого стоило в 37 лет быть застреленным бандитами с большой дороги?».

Нет на всем Божьем свете такого дела, ради которого «стоило бы» и в 37, и в 38 (а именно столько было Листьеву, двух месяцев не дожил он до 39) быть расстрелянным бандитами. Но дело, которому Листьев посвятил последние месяцы жизни, несмотря ни на что, живет. Называется «Общественным российским телевидением».

Мы никогда уже не узнаем, чего хотел и что сумел бы сделать Листьев на первом канале: он не успел обнародовать своих планов. Но можно предположить: и при Листьеве не случилось бы внезапно-го чуда, канал не стал бы в одночасье счастливым, богатым и свободным, ибо: «Это — Первый!». На нем сходились и сходятся политические амбиции и финансовые интересы многих и многих лиц и структур. Лавировать между ними, искать и находить компромисс и при этом делать телевидение, которое бы понравилось зрителям, — задача практически непосильная.

Да прибавьте ко всему постоянное и пристрастное внимание прессы, попытки Думы вообще отменить ОРТ, акции протеста оставшихся не у дел работников «Останкино», на чью жилплощадь вселилась новая государственно-частная компания, перманентные финансовые проблемы. Один из руководителей ОРТ призвался мне на днях: «Я вообще не понимаю, почему эта машина до сих пор существует». Оказывается, государство — владелец контрольного пакета акций — даже не включило расходы на ОРТ в бюджет этого года, а девять из десяти акционеров-частников не дали ОРТ ни копейки, уразумев, что прибыли в ближайшие лет пять ждать не придется. Тем удивительнее, что нынешним «вожатым» ОРТ во главе с Константином Эрнстом удалось-таки превратить архаичный, терявший аудиторию, деградировавший канал в современное динамичное телевидение со все более осязаемым «человеческим» выражением лица.

Говорю об этом без всяких опасений быть заподозренной в ангажированности, ибо более других была к нему критична. Кое-что готова повторить и сейчас: по-прежнему вызывает недоумение невнятная политическая линия канала, его неразборчивость, позволяющая устраивать бенефис Невзорову, легко отдавать эфир Анпилову с Жириновским и «помогать» президенту посредством отключения трансляции его хриплой речи. По-прежнему пропаганду идей правительств (чего пожелал президент) здесь организуют в виде набивших оскомину отчетов с расширенных заседаний, ломая программу и отпугивая зрителей. Много на канале случайного, ненужного, сомнительного, устаревшего.

Однако несправедливо не замечать художественных достижений — нового оформления, продуманной системы кинопоказа, удивительного «Русского проекта»: «Мы вас любим», «Доброго вам здоровья», «Все у вас получится». На ОРТ, нередко обвиняемом в безудержной коммерциализации, продолжают выходить прекрасные гуманитарные программы Глеба Скороходова, Леонида Филатова, Эдварда Радзинского, Владимира Познера. Здесь также продолжают свою жизнь проекты Листьева — лучшие в своем развлекательном роде «Поле чудес» и «Угадай мелодию». Удерживают прежнюю популярность «Час пик» и «Тема», хотя последняя и нуждается в модификации.

Телевидение — эфирное создание. Оно не делается на века. Год другой — и самая яркая, самая оригинальная программа «устаает», тускнеет. Нужно придумывать что-то новенькое — менять правила игры, приглашать другого ведущего, просто закрывать передачу и запускать новую. Листьев, как никто другой, чувствовал, когда наступает «усталость». Он не позволял себе поживать на лаврах. И потому никогда не успевал надоесть. В этом заключался секрет его успеха, его ноу-хау. За это его почитали коллеги и обожали зрители — и высоколбые интеллектуалы, и та средняя аудитория, на которую, в сущности, и рассчитано любое телевидение.

...В середине этой недели компания ВИД, президентом которой был Влад Листьев, записывала на 1 марта программу «Телевидение сегодня». В огромной студии собрались ведущие и руководители всех каналов, чтобы ответить на вопросы и претензии «простых» зрителей, коих в студии набралось аж три многоярусные трибуны. Предполагалось обсудить важнейшие темы — «Телевидение и насилие», «Телевидение и власть», «Телевидение и культура». Но вместо разговора получился сплошной сумбур. Может быть, оттого, что зрители, замороженные видом «живых» Шараповой, Митковой, Киселева да Бориса Крюка с Аллой Волковой, особой активности не проявили. А скорее, оттого, что организаторы шоу положились «на авось» — ничего толком не срежиссировали. Выступающие перебивали друг друга, спорили непонятно о чем, а плохо ведущий программу Андрей Разбаш общался с аудиторией с едва скрываемым высокомерием. Участвуй шоу (и «простые», и «знатные»), расходясь после трехчасовой записи, не скрывали досады: «Влад никогда бы не позволил себе прийти на запись таким неподготовленным. Он бы все сделал по-другому».

Вот и ответ на вопрос: что оставил Листьев после себя? Нормальный развивающийся канал и программы, которые по-прежнему являются его визитной карточкой. А главное — память о той высокой профессиональной планке, которую он задавал: «Влад никогда бы себе не позволил...». И если сегодня некоторые его последователи ее опускают, это еще не повод, чтобы объявить несостоятельной трагически оборвавшуюся жизнь. Далеко не безгрешную, вовсе не святую, но яркую, красивую, талантливую.

Все остальное — пустое. Нет человека. Одна зрительница и читательница недавно написала мне: «Сколько времени прошло, а я до сих пор не могу без слез слушать музыкальные позывные «Часа пик». Она не спрашивает: за что его убили? Ей просто его не хватает. Как и многим, наверное».

На снимке: В. Листьев. Студент журфака МГУ на военных сборах. 1981 г.

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА.

141